

Глава 23. Возвращение в столицу

Ань Цзыянь, облокотившись на подоконник, безмолвно созерцал полную луну. Очередная круглая ночь. Миновал уже месяц с тех пор, как он вернулся в столицу.

Первые дни после возвращения закружили его в бесконечной веренице обрядов: всё поместье стояло на ушах, празднуя его чудесное исцеление. Переступание через жаровню с углями для изгнания скверны, ритуальное омовение водой, настоянной на листьях помело, пышные пиры, раздача риса окрестным беднякам... Затем последовал визит во дворец — затянувшиеся аудиенции у императора и вдовствующей императрицы, обязательные поклоны и заверения в глубочайшем почтении. И стоило ему наконец облегчённо вздохнуть и уединиться в своих покоях, как на пороге вырос младший брат, Ань Цыпин, горящий нетерпением разузнать все тайны и чудеса далёкой горы Небесного Духа.

За тот год, что Цзыянь провёл вдали от дома, в поместье мало что изменилось. Разве что Цыпин успел обзавестись семьёй. Изначально свадьбу планировали сыграть лишь после возвращения старшего брата, однако прорицатели, сверив их гороскопы и знаки судьбы, в один голос заявили, что упускать прошлый год никак нельзя — то было идеальное время для союза. Поскольку младший сын связал себя узами брака раньше первенца, он, следуя древнему обычаю, преподнёс старшему брату щедрый красный конверт с деньгами в знак почтения и извинения.

Сейчас молодая супруга брата шла уже на четвёртом месяце беременности. Цыпин окружил её такой трепетной, ежеминутной заботой, что Цзыянь, наблюдая за ними со стороны, невольно чувствовал, как в груди разливается тихая, щемящая зависть. Ведь когда-то и рядом с ним был человек, оберегавший его с не меньшей нежностью. Глядя на счастливых, неразлучных супругов, он раз за разом вспоминал его. Цзыянь наивно полагал, будто время и разлука притупят чувства, сотрут из памяти этот невольный грех сердца, но вышло наоборот: тоска по Хуайшэну с каждым днём лишь крепла, пуская всё более глубокие корни. Глупо, ведь тот никогда не выказывал к нему ничего, кроме братской привязанности. Так почему же сердце продолжает упорно цепляться за призрак несбыточного?

Интересно, как он там? Вернулся ли в родные края? И сдержит ли обещание отыскать его здесь, в столице? Вряд ли. В день расставания Цзыянь наговорил лишнего, поддавшись глупому, эгоистичному порыву. Сорвавшиеся с губ признания теперь казались верхом безрассудства. Наверняка брат Хуайшэн теперь бежит от одной мысли о нём как от чумы. Юноша горько усмехнулся собственной глупости. Один неверный шаг, одна минутная слабость — и всё потеряно навек. Как же безумно хотелось повернуть время вспять, вернуться в те благословенные полтора года, проведённые в тишине горной обители! Но Цзыянь понимал: былое не вернуть.

Цзыянь так глубоко ушёл в свои невесёлые думы, что даже не заметил, как в покои бесшумно вошёл папа.

Фэн Бэйцэ молча стоял у порога, сокрушённо разглядывая хрупкий силуэт сына. В последние недели он неустанно наблюдал за ним. Стоило Цзыяню остаться наедине с собой, как на его

лицо ложилась тяжёлая, недетская тень. Сначала Бэйцэ тешил себя надеждой, что это лишь временная хандра, неизбежная после долгой дороги и смены обстановки, но шёл второй месяц, а юноша увязал в унынии всё глубже. Любой другой на его месте радовался бы чудесному исцелению от смертельного недуга, но Цзыянь таял на глазах от какой-то невидимой миру печали. Видеть страдания собственного дитя было для родительского сердца невыносимой мукой.

Бэйцэ тихо подошёл ближе и ласково опустил ладонь на плечо сына. От этого лёгкого прикосновения Цзыянь вздрогнул. На мгновение ему показалось, будто это он — тот, о ком круглосуточно болела душа, — стоит за спиной. С лица юноши ещё не успела сойти робкая, радостная улыбка надежды, когда он резко обернулся, но, встретившись взглядом с папой, мгновенно сник. Он был слишком явно разочарован, чтобы это скрыть.

Опасаясь потревожить родителя своими переживаниями, Цзыянь поспешно нацепил маску безмятежности.

— Папа, почему ты не спишь в такой поздний час?

— Это мне следовало бы спросить тебя, — мягко упрекнул его Фэн Бэйцэ. Развязав ленты своей тёплой накидки, он бережно набросил её на плечи сына. — Ты только-только оправился от тяжёлой болезни, тебе нужен покой и тепло. Почему ты стоишь у открытого окна в одном нижнем халате?

Ощувив на плечах мягкую ткань, Цзыянь невольно вспомнил, как точно так же на горе Небесного Духа его укутывал Чоу Хуайшэн. От этого воспоминания он едва заметно вздрогнул и поспешно опустил взгляд, пряча подступившие слёзы.

— Дитя моё, скажи откровенно: что гложет твою душу? — не выдержал Бэйцэ, легонько коснувшись его плеча. — На тебе лица нет с самого возвращения.

Цзыянь уклонился от прямого ответа, заговорив о другом:

— Папа... я могу спросить тебя кое о чём?

— Конечно, спрашивай о чём угодно, — ласково погладил его по спине Бэйцэ.

— Мне просто стало интересно... Сколько я себя помню, отец-ван всегда беспрекословно слушает тебя и дорожит каждым твоим словом. Как вы познакомились? Через что вам пришлось пройти?

Бэйцэ удивлённо улыбнулся. Он никак не ожидал, что мысли сына витают в столь далёких краях. В глубине души он и сам порой предавался воспоминаниям, думая о том, как сложилась бы его жизнь, не откажи он тогда окружной принцессе Пэйи. Где бы он сейчас был? Уехал бы в

Мэйчжоу к отцу, чтобы воссоединиться с семьёй, или нашёл бы уединённый уголок в горах, вдали от мирской суеты? Судьба — странная вещь, её пути неисповедимы, но именно она связывает людей незримыми нитями, которые зовут предначертанием.

Бэйцэ встал плечом к плечу с сыном, устремив взор на серебряный диск луны, и негромко, размеренно заговорил:

— Когда-то у тебя должна была быть тётя... Но из-за моей глупой ошибки она погибла. Именно та страшная трагедия свела меня с твоим отцом.

Он вкратце поведал сыну историю былых лет, полную интриг, опасностей и горьких потерь.

— Позже верный Чжао Цянь тайно забрал твоего младшего брата и вернул его в лоно семьи, в княжеское поместье. А месяц спустя на свет появился ты.

Цзыянь слушал затаив дыхание. Он и представить не мог, какая сложная, полная лишений и крутых поворотов судьба связала его родителей. Но, вопреки всем преградам, они сумели сохранить любовь и обрести счастье. Какое счастье, что небеса благословили их союз, иначе его самого не было бы на этом свете.

— А Цзыпин... знает о прошлом семьи Му?

— Мы ничего не стали скрывать и открыли ему правду, — вздохнул Бэйцэ. — Твой брат проявил редкое благоразумие, сказав лишь, что его родная мать получила по заслугам. Я безмерно благодарен богам за то, что они послали мне двоих столь преданных и почтительных сыновей. Не зря говорят: воспитай детей — и обретёшь опору в старости.

— Ну полно, уже за полночь, тебе пора спать, — Бэйцэ ласково потрепал сына по щеке и направился к выходу. — Завтра в полдень приедут твой дедушка Люнянь, дедушка Лан Кэ и младший дядя Сычжоу. Они хотят провести тебя. Наберись сил, чтобы не пугать их своим измождённым видом, иначе они места себе не найдут от беспокойства.

— Спокойной ночи, папа, — почтительно поклонился Цзыянь.

Едва дверь за родителем закрылась, юноша тяжело, со свистом выдохнул и прислонился спиной к стене.

В те долгие годы, когда его терзал недуг, дедушка Люнянь регулярно присылал из Мэйчжоу редчайшие снадобья и целебные травы, которые его люди выискивали по всей стране Юй и даже за её пределами. Что же касается младшего дяди, Лан Сычжоу, то он был младше Цзыяня и Цзыпина на несколько месяцев. Рождённый на закате лет своих родителей, он рос всеобщим любимцем, но ничуть не разбаловался. Напротив, в кругу семьи он всегда вёл себя как покладистый младший брат. Сычжоу наотрез запрещал племянникам называть его

«дядей» наедине, ворча, что это прибавляет ему возраста, хотя он из них троих самый младший. Разумеется, эта милая вольность позволялась лишь за закрытыми дверями; на людях же все строго соблюдали этикет.

Когда они были совсем маленькими, дядя какое-то время гостил в их поместье. Из-за слабого здоровья Цзыянь не мог присоединиться к весёлым забавам, поэтому Сычжоу больше сблизился с шумным Цзыпином. Цзыянь лишь тихо сидел в сторонке, наблюдая за их играми. Впрочем, порой мальчишки утихомиривались, усаживались рядом и послушно листали с ним свитки. Они добродушно подтрунивали над ним, называя «маленьким старичком», а он лишь беззлобно улыбался в ответ. Позже Сычжоу забрали обратно в Мэйчжоу, и с тех пор они не виделись. Услышав, что дядя завтра приедет, Цзыянь ощутил, как на сердце впервые за долгое время потеплело от предвкушения встречи.

Улыбнувшись этим тёплым воспоминаниям, он плотно притворил створки окна и прошёл в глубь спальни. Однако ложиться спать не спешил. Подойдя к платяному шкафу, Цзыянь бережно достал из глубины лакированный деревянный ларец — его главное сокровище, привезённое с Горы Небесного Духа.

Откинув крышку, он достал сложенный вчетверо клочок бумаги. Это была записка, написанная рукой Хуайшэна. Строки дышали искренней заботой. Цзыянь помнил, как испугался собственных чувств, когда впервые осознал их греховную природу, и принялся отчаянно избегать названного брата. Не зная, как преодолеть эту внезапную стену отчуждения, Хуайшэн перед началом великого праздника оставил ему это нехитрое послание.

Цзыянь осторожно, едва касаясь кончиками пальцев, провёл по въевшейся в бумагу туши. Отложив записку, он извлёк со дна шкатулки сплетённого из пальмовых листьев игрушечного дракона. Время безжалостно: некогда сочные, изумрудно-зелёные листья поблекли и подсохли, подёрнувшись золотистой желтизной, но хрупкая фигурка осталась целой. Юноша разложил перед собой нехитрые безделушки, поочерёдно лаская взглядом каждую деталь.

За этот месяц он открывал ларец без счёта. Стоило тоске по Чоу Хуайшэну сдавить грудь, как он уединялся и перебирал эти памятные подарки. Нехитрый способ заглушить боль разлуки, созерцая вещи, хранившие тепло чужих рук.

Цзыянь уставился на дракончика и тихо прошептал в пустоту:

— Брат Хуайшэн, ты обещал разыскать меня... Неужели твои слова ничего не стоили?

«Наверное, он больше никогда не захочет меня видеть. Моё признание напугало его до смерти»

В памяти укоризненным клеймом отпечатался тот день. Цзыянь вспомнил, как крепко обнимал Хуайшэна на прощание, как прошептал заветные слова и как в ту же секунду мужчина окаменел в его объятиях.

«Такой благородный, сильный человек, как брат Хуайшэн, заслуживает лучшей доли. Он должен взять в жёны прекрасную, скромную девушку, растить детей, а не связывать жизнь с болезненным юношей вроде меня»

Он горько усмехнулся собственной нелепой, детской надежде.

— Где ты сейчас, с кем делишь вечернюю чашу чая? Наверное, уже встретился со своей матушкой... — шептал Цзыянь, аккуратно укладывая сокровища обратно в ларец.

В глубине души теплился крохотный уголёк надежды. Если они встретятся вновь, он клятвенно заверит Хуайшэна, что те слова были лишь глупой шуткой, минутной слабостью затуманенного разума. Всё что угодно, лишь бы не лишаться его тепла, лишь бы иметь право просто быть рядом.

Поёжившись от сквозняка, он подбросил пару угольков в жаровню, чтобы ночной заморозок не разбудил его до срока. Затем задул свечу и скользнул под тяжёлое стёганое одеяло.

Но сон не шёл. С самого дня расставания бессонница стала его верной спутницей. Стоило забыться чутким, неверным полузабытьем, как перед глазами оживали картины их горного уединения. Он просыпался в холодном поту, с колотящимся сердцем, а в темноте спальни укоризненно стоял образ названного брата. После таких видений уснуть уже не получалось, сколько бы он ни ворочался. Изнуряющая усталость сковывала тело, но Цзыянь до ужаса боялся закрывать глаза. Он боялся этих снов, боялся, что безумная тоска окончательно иссушит его едва окрепшую плоть.

Лишь перед самым рассветом, когда морозные узоры на окнах начали бледнеть, он наконец провалился в тяжёлое, безрадостное забытьё.

<http://bllate.org/book/18341/1862562>